

Глава 14

Наплакавшись, Чжун Цин уснул, обнимая чёрный ящик.

Система давно хотела высказаться, и вот наконец представился случай.

«Сотрудник, почему тебе не нравится, когда тебя называют А-Цин?»

«А тебе бы понравилось, если бы я звал тебя Сися?»

«Как-то мерзко».

«Вот именно».

«Тогда как мне выразить свою нежность к тебе?»

«Как угодно, только не так приторно».

«Тогда буду звать тебя Пустоцветик? Цветочек?» — подумав, предложила Система.

«...Как тебе будет угодно».

Благословение из последнего послания Янь Цзи, казалось, возымело действие: угасание Чжун Цина прекратилось.

Через несколько дней ему стало лучше, и он наконец смог по-настоящему осмотреть комнату, в которой находился. Все эти безделушки пробыли с ним несколько месяцев, но он смотрел на них так, словно видел впервые.

Шторы в шахматную клетку с бахромой были намеренно приоткрыты, позволяя солнечному лучу прокрасться внутрь и оставить на полу длинный, яркий след. На тумбочке стоял планетарий, указатель которого замер на какой-то неизвестной звёздной системе. На полке над ним выстроился отряд игрушек, каждая по-своему милая. На противоположной стене висел пазл, в котором нарочно не хватало нескольких деталей, так что при виде него сразу же хотелось подойти и закончить картину. Деревянные птички на музыкальной шкатулке были раскрашены во все цвета радуги, на щеках у них алели два больших оранжевых пятна, а к крыльям были приклеены две записки с надписью: «Очень хочу танцевать».

Всё это создавало ощущение обжитого, тёплого дома.

Чтобы обставить эту комнату, Андре, вероятно, исчерпал весь свой запас романтики.

Чжун Цин улыбнулся, его взгляд упал на чёрный ящик на тумбочке.

На самом деле, этот чёрный ящик был не первой уступкой Андре. Первой был тот розовый куст за окном, на балконе.

Феромоны Янь Цзи пахли розами, и Чжун Цин, изображая глубокую любовь, тоже делал вид, что любит розы. Когда Андре впервые растерялся от его слёз, он принёс саженец розы, надеясь подбодрить его.

Вероятно, он ненавидел запах феромонов Янь Цзи, поэтому принёс не красные розы «Эдем», похожие на те, что были у Янь Цзи, а чисто-белые «Снежная гора».

К сожалению, Чжун Цин не обратил на его белые розы никакого внимания. Он не полил саженец ни разу, пока тот почти не засох. В конце концов, Андре сам высадил его на балконе.

Его познания в садоводстве были плачевны: на розовом кусте было всего несколько бутонов. Но сейчас одна роза, пробившаяся сквозь беспорядочно разросшиеся ветви, заглядывала в окно. Белые лепестки на солнце казались почти прозрачными, с золотистым отливом, словно спичка, зажёгшая застывшую атмосферу комнаты.

И всё вокруг ожило.

Пылинки затанцевали в солнечном луче под шторой, лёгкое прикосновение к планетарию — и звёздные туманности стремительно пронеслись мимо, игрушки запищали наперебой, в пазле появился последний недостающий кусочек, и — заведённые птички запели и затанцевали.

Чжун Цин отложил музыкальную шкатулку и, встав с кровати, направился к двери.

В гостиной никого не было, входная дверь была приоткрыта. Когда он подошёл к выходу, дверь распахнулась снаружи.

Человек, весь в земле, с садовыми инструментами в руках, неожиданно столкнулся с взглядом и улыбкой Чжун Цина.

Совсем как тогда, много лет спустя после окончания академии, когда они впервые встретились в соседнем цветочном особняке.

Чжун Цин подошёл к нему и протянул влажную салфетку.

— Хотите вытереться?

Его голос был немного хриплым, но всё таким же мягким и приятным.

Андре взял салфетку, но забыл вытереться.

Его сердце бешено колотилось, так громко, что, казалось, заглушало все остальные звуки.

Он сжал в пальцах влажную землю, скользкую, как кусочек его собственного сердца. Он сжимал кулак всё сильнее, словно так можно было успокоить то, что бушевало в его груди.

Чжун Цин прошёл мимо него к двери. Снаружи было солнечно, и на пороге легла чёткая граница света и тени.

Он на мгновение задержался на этой границе, а затем шагнул вперёд.

Тело, долгое время находившееся в помещении, отвыкло от яркого света. Он слегка отвернулся и, когда глаза привыкли, посмотрел вперёд.

За полгода здесь всё изменилось.

В углу была сложена клумба, постелен газон. Растения разрослись, вытянувшись во все стороны, словно готовые подраться с соседями.

— В садоводстве у вас определённо нет таланта, — тихо сказал Чжун Цин, слыша шаги за спиной.

— Ты можешь меня научить.

— Я научу вас. Но сначала вам придётся меня отпустить, маршал Андре.

Андре разжал руки. Низкий, тёплый голос прозвучал у самой шеи Чжун Цина.

— Прости. Я просто очень рад.

Чжун Цин ничего не сказал. Он шагнул вперёд, увеличивая расстояние между ними.

В саду росло несколько молодых деревьев, рядом лежала куча саженцев с редкими, чахлыми ветвями, выглядевших довольно жалко.

В углу были сложены кирпичи, а неподалёку мелом был начерчен контур — видимо, здесь планировалось сделать клумбу.

— Маршал уверен, что хочет посадить здесь георгины и анютины глазки? Это будет похоже на красно-зелёную черепаху, — не удержался от сарказма Чжун Цин. — И деревья маршал посадил неправильно. Как бы вы дальше ни планировали, всё будет выглядеть хаотично.

Андре слегка нахмурился, вспомнив аккуратную обстановку и тщательно спланированный сад в соседнем доме. Очевидно, их хозяин не терпел беспорядка.

— Я могу их выкопать и пересадить, — попытался исправить он.

Чжун Цин покачал головой.

— Человек от переезда оживает, а дерево — умирает.

Он посмотрел на нелепо подстриженные деревья и, вздохнув, улыбнулся.

— Зачем обязательно следовать правилам? Пусть растут, как хотят.

Он постоял немного, затем снял обувь и босиком ступил на землю.

Широкие брюки скрывали половину стопы, и маленький кусочек обнажённой кожи ослепительно белел на солнце.

Чжун Цин внимательно рассматривал саженцы, аккуратно высаживая их в землю. Окучивал, поливал, удобрял, время от времени выпрямляясь, чтобы посмотреть, как лучше их расположить.

Андре следовал за ним, подавая инструменты, выполняя тяжёлую работу и, когда нужно, заслоняя его от слепящего солнца.

Брюки незаметно подвернулись, обнажив такие же белые лодыжки и икры. Косточка была тонкой и изящной, казалось, её можно было обхватить одной рукой, не давая убежать. Линия икры была плавной и красивой, как нераскрывшийся бутон, и, поднимаясь выше, переходила в лёгкий румянец, скрываясь под тканью.

Андре внезапно легко коснулся тыльной стороной ладони выступающей косточки на лодыжке.

Чжун Цин, заметив это, обернулся и услышал лишь ровное объяснение Андре:

— Испачкался в земле.

Чжун Цин не придавал этому значения.

Этот небольшой инцидент напомнил ему, что он уже устал от долгой работы. Он бросил инструменты и сел, скрестив ноги, в тени Андре.

Земля под солнцем прогрелась, и некоторые её частички блестели на свету.

Чжун Цин взял горсть земли, ощущая, как скользкая, влажная масса протекает сквозь пальцы.

— Покидая родную Землю, древние американцы забирали с собой оружие, древние европейцы — драгоценности, а древние китайцы — землю. Они, казалось, верили, что дом там, где есть земля.

— Но с появлением технологии беспочвенного выращивания человеческая цивилизация окончательно стала цивилизацией, устремлённой ввысь... или, скорее, цивилизацией без корней. Добровольно или вынужденно, мы слишком давно покинули ту землю.

Он смотрел на горсть земли в своих руках с нежностью и благоговением.

— Неудивительно, что тебе не нравится Столичная звезда, — сказал Андре, глядя на него.

— Вы меня раскусили, — улыбнулся Чжун Цин.

— До поступления в Военную академию я жил с родителями на Столичной звезде. Это, можно сказать, моя вторая родина, и родители планируют там остаться. Но в моём представлении она всегда была похожа на звездолёт. Везде металлические полы и металлические здания, коридоры между домами — запутанные, как лабиринты. Большинство людей, родившихся на Столичной звезде, всю жизнь переезжают из одного здания в другое, и, возможно, ни разу не ступают на землю.

— Столичная звезда ценит практичность, а не украшения. Поэтому для растений даже горшка не жалеют, оставляя их корни висеть в воздухе, выживать за счёт периодически распыляемого питательного раствора.

— Но слишком прямолинейные, обнажённые вещи всегда некрасивы. Растения, парящие в воздухе, похожи на нас, людей, скитающихся в космосе, — на чудовищ.

— А эти подделки, — Чжун Цин медленно высыпал землю из рук, — лучше, чем ничего.

— На самом верхнем этаже здания Парламента Альянса растёт дерево, выращенное в земной почве, — сказал Андре.

— В Институте тоже есть одно, — сказал Чжун Цин. — Я слышал, у семьи Ланкастер тоже.

— Если хочешь... — его слова прервал палец Чжун Цина, прижатый к его губам.

— Я не чувствую сожаления и не стремлюсь завладеть этим. Я просто верю, как верили древние китайцы, что однажды мы вернёмся с этой землёй туда, откуда мы все пришли.

Он говорил это легко и весело, и полугодовая хворь, казалось, на время отступила. Под бледной, прозрачной кожей сильно пульсировали сосуды.

Эта сцена на солнце была ослепительной, и аромат растений и земли, казалось, предвещал возрождение чего-то нового.

В этом туманном видении Андре сказал:

— Ты ещё хочешь качели?

Чжун Цин поднял на него глаза и рассмеялся.

— Хочу. Но ты сможешь сделать их только завтра. Сегодня ты должен сидеть здесь и помогать мне обустроить сад.

Он хитро прищурился, и его улыбка стала живой и озорной. Он потянул его за рукав и без всякого намёка на приказной тон сказал:

— Не смей сбегать.

***

Хотя планировка была совершенно другой, сад у дома Андре под присмотром Чжун Цина постепенно становился всё больше похож на сад соседнего особняка.

Они оба молчаливо договорились больше не упоминать Янь Цзи. Тяжёлая скорбь со временем прошла, и жизнь потекла ровно и спокойно, в чередующихся цветущих и увядающих цветов, в тихих «добром утре» и «спокойной ночи».

Сюжетная линия текла так гладко, что Система заскучала и снова отправилась на подработку.

Наконец, однажды Чжун Цин вызвал её, и она взволнованно спросила:

«Пустоцветик, ты снова собираешься что-то натворить?»

Чжун Цин только что проводил гостя.

Молодой вице-маршал по приказу маршала приехал забрать какой-то документ. По приказу он не должен был беспокоить Чжун Цина, но тот сам вышел из комнаты и настоял на том, чтобы угостить его кофе.

Дослужиться до такого положения рядом с Андре мог только человек с немалой хитростью. Но перед Чжун Цином он вёл себя как неопытный юнец. Стоило его немного разговорить, как он выложил всё без утайки.

— Разве маршал не рассказывал господину? В тот день, когда он вернулся, преодолев два с половиной миллиона световых лет, в больнице на нём не было живого места, даже внутренние органы были повреждены. Председатель думал, что случилось что-то важное по военной части, и ждал его пробуждения вместе со своими советниками. А когда маршал очнулся, первым его словом было — он хочет сделать вам предложение.

— Но я уже согласился выйти за Янь Цзи.

— Да, маршал опоздал всего на шаг. Поэтому, не долечившись, он вернулся в звёздную систему Лайон и целых три года не возвращался. Неудивительно, что маршал не хочет вам об этом рассказывать, он такой гордый. Но господин может поискать в комнате маршала, может быть, найдёт то самое кольцо.

Он, вероятно, неправильно понял отношения между Чжун Цином и Андре и говорил немного смущённо.

Чжун Цин поблагодарил его, проводил до двери и под его прощальным взглядом закрыл её.

В этом доме для него не было запретных мест. Он вошёл в кабинет Андре и, как и ожидал, нашёл в ящике стола то самое кольцо.

Бархатная коробочка всё ещё хранила следы старой крови. Когда он открыл её, бриллиант на кольце ярко засиял. На внутренней стороне были выгравированы две буквы:

Z.

Q.

Чжун Цин сидел в кабинете Андре, держа в руках кольцо. Вскоре он услышал звук быстро садящегося летательного аппарата, а затем — торопливые шаги.

Дверь кабинета с силой распахнулась. Чжун Цин поднял голову и улыбнулся вошедшему.

— Спасибо, маршал, за вашу заботу в эти дни. Думаю, мне пора домой.

<http://bllate.org/book/16114/1583349>